

УДК 323 (470+571)

EDN: QQJQUQ

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran52022124133>

РАВЕНСТВО РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: РОССИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Артём Радикович Макаев

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,
e-mail: artem-m-2018@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3585-4757

Ссылка для цитирования: Макаев А.Р. Равенство религиозных объединений: российский и европейский опыт // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №5. С. 124-133. DOI: 10.15211/vestnikieran52022124133

***Аннотация.** В статье анализируются проблемы, связанные с реализацией конституционно-правового режима равенства религиозных объединений перед законом. Цель исследования – сравнение политико-правовых оснований и практик его осуществления в Европе и России. Систематизировав и проанализировав различные модели государственно-конфессиональных отношений, автор приходит к ряду выводов. Во-первых, сложившийся в РФ конституционно-правовой режим равенства религиозных объединений выступает частью общеевропейской тенденции и соотносится с одной из общеевропейских магистральных конституционных традиций. Во-вторых, равенство религиозных объединений часто понимается российским правоприменителем не как юридическое, а фактическое, что затрудняет аналогичное регулирование различных религиозных традиций. В-третьих, европейские государства можно классифицировать в соответствии с двумя подходами к государственно-конфессиональным отношениям: от граждан к религиозным объединениям или наоборот. Компаративный анализ российской модели государственно-конфессиональных отношений и некоторых европейских, зарекомендовавших себя эффективными, определяют значимость проведённого исследования.*

***Ключевые слова:** государственно-конфессиональные отношения, равенство религиозных объединений, конституционное право, юридическая неопределённость, свобода вероисповедания, религиозная дискриминация.*

Статья поступила в редакцию: 13.08.2022.

THE EQUALITY OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS: RUSSIAN AND EUROPEAN EXPERIENCE

Artem R. Makaev

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
e-mail: artem-m-2018@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3585-4757

For citing: Makaev, A.R. (2022). The equality of religious organizations: Russian and European experience. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 29(5): 124-133. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran52022125133

Abstract. *This article discusses problematic cases regarding the realization of constitutional and legal order of equality of religious organizations before the law in Russia and contemporary Europe. The purpose of the study is to compare the political and legal grounds and practices of the equality of religious associations in Europe and Russia. The paper provides a comprehensive analysis of the practices of implementing the constitutional principle of equality of religious associations before the law in the context of Russian and European experience. As part of the systematization and analysis of various models of state-confessional relations, the author comes to a number of legal and socio-political conclusions: firstly, the constitutional and legal regime of equality of religious associations that has developed in Russia is part of a pan-European trend, and also correlates with one of the pan-European main constitutional traditions; secondly, equality of religious associations is often understood by the Russian law enforcement officer as equality not legal, but factual, which makes it difficult to regulate various religious traditions in a similar way; thirdly, it is possible to classify European states in accordance with two approaches to state-confessional relations: from citizens to religious associations or from religious associations to citizens. The value of the conducted research consists in referring to the European experience and comparative analysis of the compliance of the Russian model of state-confessional relations with some European models that have proven themselves to be effective. The results of this study may be used in the legislative process and also while working out the plans and teaching of educational programs.*

Key words: *religion-state relations, equality of religious organizations, constitutional right, legal uncertainty, religious freedom, religious discrimination.*

Article received: 13.08.2022.

Теоретическая разработка проблем взаимодействия между государством и религиозными объединениями представляет на сегодняшний день важную исследовательскую задачу. В первую очередь это объясняется массовой актуализацией политической повестки религиозных групп и организаций, а также повышением интереса политических и административных элит государств современной Европы к религиозной проблематике. Как отмечает К. Инверницци-Аккетти, профессор политической теории в Городском колледже Нью-Йорка (CUNY), «одним из наиболее горячо обсуждаемых вопросов во время дебатов вокруг разработки проекта договора о введении конституции для Европы стал вопрос о том, должен ли документ в своей итоговой версии содержать ссылку на “христианские корни” Европы» (Invernizzi-Acetti 2018: 669). Хотя ответ в конечном итоге был отрицательным, сама постановка вопроса о возможности законодательного закрепления положения о конкретных христианских основаниях глобальной европейской культуры (в отличие от довольно абстрактных заявлений о религиозном и гуманистическом наследии) на столь высоком уровне стала индикатором актуализации религиозной проблематики в политической и общественной жизни.

Однако интерес к религиозным темам не ограничивается сферами дипломатии и законодательства, учёные ставят своей задачей проследить, каким образом религиозные доктрины сказываются на политической жизни европейцев сегодня. Австрийский богослов и политолог, член Австрийской академии наук П. Зулелнер утверждает: «Тот, кто заявляет, что измене-

ние Европы – это изменение от христианского к секуляризованному – во имя модернизации – на самом деле следует полностью неактуальной интерпретации, отражающей менталитет XVI в.» (Zulehner 2014: 612), по сути же, европейская культура (включая культуру политическую) показывает совершенно противоположную динамику. Некоторые исследователи даже отмечают, что «первоначальный проект Европейского союза был христианско-демократическим, санкционированным Ватиканом, а словосочетания “свободный мир” и “христианская цивилизация” стали синонимами» (Casanova 2006: 66).

Особую значимость в последние годы приобретают исследования концептуальных принципов государственно-конфессиональных отношений. Таковых несколько, однако наиболее часто законодательное закрепление получают следующие: светскость государства – дискуссионный в терминологическом и содержательном плане принцип, интерпретируемый в зависимости от страновой специфики в диапазоне от религиозной нейтральности (что чаще) до подчёркнутой антирелигиозности (что реже); отделение религиозных объединений от государства, а также их равенство перед законом. Значимость анализа существующих в современных государствах моделей равенства религиозных объединений, а также связанных с ними рисков обуславливается теми нарушениями, которые уже допускаются в данной сфере или потенциально могут возникнуть. Например, А.А. Клишас, специалист по конституционному праву, Полномочный представитель Совета Федерации в Конституционном суде и Генеральной прокуратуре России, отмечает: в Докладе о нарушениях прав православных христиан в Европе за 2015 г. приводится, что в 2015 г. «значительным образом нарушались права и свободы православных христиан, гарантированные как международными нормами, так и национальным законодательством» (Клишас 2016). Особо высокий уровень враждебного отношения к православным верующим сохраняется в Албании, Косово и Хорватии.

В 2013 г. Отделом исследований ЕСПЧ был опубликован обзор судебной практики Суда по вопросу вероисповедания, где представлены крупнейшие дела, связанные, как правило, с нарушением прав не только отдельных граждан, но даже централизованных религиозных организаций на территории некоторых государств. Кроме того, необходимо отметить грубые нарушения прав православных христиан, проживающих на территории Украины: особый размах притеснения приобрели в 2018 г. и продолжают по сей день. Более того, в Верховной раде Украины рассматривались законопроекты «Об особом статусе религиозных организаций, руководящие центры которых находятся в государстве, которое признано Верховной радой Украины государством-агрессором» (№ 4511 от 22.04.2016 г.), «О запрете Московского патриархата на территории Украины» (№ 7204 от 22.03.2022 г.) и «О внесении изменений в Закон Украины “О свободе совести и религиозных организациях”» (№ 7213 от 22 марта 2022 г.), которые в случае их принятия парламентом явным образом нарушили бы ключевые положения международного и национального права в отношении к реализации свобод совести и вероисповедания.

Государственно-конфессиональные отношения в российской и европейских конституциях

Объединение трёх фундаментальных принципов построения и координирования государственно-конфессиональных отношений в российской конституции предстаёт явлением уникальным. Как отмечает член комиссии по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ М.О. Шахов, «совместив в конституции комбинацию принципов светскости и отделения религиозных объединений от государства, наша страна оказалась на земном шаре

в немногочисленной компании из Азербайджана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана, имеющих аналогичное сочетание конституционных принципов» (Шахов 2015: 9). По мнению Элизабет Сьюэлл – американской исследовательницы правовых механизмов взаимодействия между государством и религиозными объединениями, присоединение к светскости и отделение принципа равенства религиозных объединений, делает ст. 14 российской конституции «уникальной, так как она <...> устанавливает довольно строгий запрет на сотрудничество между государством и религиозными группами и организациями или на предпочтение одной религиозной группы другим» (Сьюэлл 2004). Сравнительный анализ политико-правовых основ и практик реализации конституционно-правового режима равенства религиозных объединений в рамках российского и европейского опыта как раз и является целью данного исследования.

Изучение конституционных и иных законодательных принципов построения государственно-конфессиональных отношений может производиться с различных позиций, как собственно юридических, так и политико-социологических. В то же время чёткая дифференциация этих подходов в рамках данного проблемного поля в полной мере вряд ли возможна. Исследование механизмов взаимодействия государства и религиозных объединений не сводится к лишь рассмотрению законотворческого процесса и правоприменительной практики, но охватывает гораздо более широкое предметное поле. Оно включает в себя множество акторов, разветвлённую систему отношений между ними, а также их представления, сформированные определёнными историческими, конъюнктурными и психологическими обстоятельствами. Всё это не может анализироваться с помощью методологии юридической науки. Однако любые политико-социологические явления неизбежно содержат в себе и нормативное начало, которое наиболее точно выражается с помощью юридической терминологии, отражающей специфику тех принципов, по которым акторы взаимодействуют в той или иной сфере (за исключением случаев, когда действие права «приостанавливается» или система попадает в точки бифуркации).

В конституции РФ провозглашается, что «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (Конституция РФ 2020). Данный конституционно-правовой режим является общемировой тенденцией, однако, как правило, реализуется в рамках двух отличных друг от друга направлений или конституционно-правовых традиций. Первым таким направлением следует считать провозглашение в основном законе собственно равенства религиозных *организаций*, как, например, в Албании: «государство признаёт равенство всех религиозных групп» (Конституция Албании 2010), или Словении: «религиозные группы обладают равными правами» (Конституция Словении 2010). Вторым, отличным, направлением является конституционный порядок, в рамках которого декларируется равенство уже не групп и организаций, а *граждан*, имеющих право на индивидуальную и коллективную реализацию свободы вероисповедания. Например, конституция Французской Республики говорит не только об уважительном отношении ко всем мировоззрениям на государственном уровне, но и о «равенстве всех граждан перед законом, независимо от их происхождения, расы или религии» (Маклаков 1999: 107). Основной закон ФРГ провозглашает, что никому из граждан не может быть «оказано предпочтение вследствие его пола, его происхождения, его расы, его языка, его места рождения и родства, его вероисповедания, его религиозных или политических воззрений» (Маклаков 1999: 154). К данной позиции тяготеют и международные документы стран – участниц Совета Европы: ст. 9 Европейской конвенции по правам человека утверждает свободу граждан выбирать, следовать ли религиозным убеждениям или отказываться от них, а также допускает индивидуальную и *коллективную* форму реализации данной свободы,

что необходимым образом затрагивает деятельность религиозных объединений. В то же время она допускает ограничение свободы вероисповедания, однако лишь на демократических началах и в целях защиты нарушенных прав и свобод. Статья II-70 Договора о введении европейской конституции гласит: «Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу изменять религию или убеждение, а также свободу индивидуально или коллективно, публично или в частном порядке исповедовать свою религию или своё убеждение путём богослужения, обучения, религиозных обрядов и совершения ритуалов» (Договор, устанавливающий Конституцию... 2004). Хотя Конституция ЕС не была принята, а вместо неё были подписаны Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества, общая интенция европейских элит относительно религиозной свободы выражена здесь явным образом.

Равенство религиозных объединений перед законом: специфика реализации в странах Европы

Вне зависимости от формата закрепления конституционно-правового режима равенства религиозных объединений для Европы характерны универсальные черты его реализации. Э. Сьюэлл отмечает, что «светские государства [точнее, государства светского типа, т.е. провозгласившие в конституционном порядке принцип равенства религиозных объединений, а также их отделение от государства – А.М.] предоставляют различные прямые и косвенные финансовые и другие привилегии религиозным ассоциациям и организациям, которые спонсируются религиозными объединениями», а также при необходимости выплачивают компенсацию за собственность, изъятую у них в прошлом (Сьюэлл 2004). В то же время государственные структуры руководствуются в данной ситуации по большей части не соображениями конституционно провозглашённого равенства, а иными мотивами. Например, французское правительство «предоставляет финансовую поддержку религиозным организациям, оплачивая ремонт культовых сооружений, построенных до 1905 г., на том основании, что они представляют собой существенную ценность для Франции как *памятники культуры* и должны быть сохранены» (Сьюэлл 2004).

Другим полем взаимодействия государства и религиозных объединений за рубежом является социальная работа, которая финансируется государственными структурами, но реализуется религиозными ассоциациями: «Такие системы функционируют на основе объективных критериев и имеют прямую связь с характером предоставляемой помощи» (Сьюэлл 2004). Иными словами, государство в обязательном порядке создаёт условия для конкуренции за целевые субсидии между всеми религиозными ассоциациями, выражающими желание принять участие в их освоении. Ключевым фактором, влияющим на судьбу льготы или гранта, является прогнозируемый успех социального проекта на основе анализа и предыдущего опыта сотрудничества. Историческая укоренённость или число последователей конфессии здесь во внимание не принимаются. Таким образом, в некоторых странах Европы можно наблюдать реализацию конституционно-правового режима равенства религиозных объединений более в юридическом, чем в фактическом плане. Все религиозные ассоциации равны перед законом, однако некоторые из них представляют для государственных структур особую ценность в силу перспективно выгодного партнёрства в социальной сфере или вследствие необходимости компенсировать притеснения в прошлом (что является актом юридической справедливости), или же обеспечить сохранение культурного наследия. Главным в данном случае является то, что религиозные объединения ранжируются в соответствии с универсальными критериями государственно-частного партнёрства или нормами гражданского законодательства, что не

допускает дискриминации на собственно религиозной почве, а также упрощает механизмы разрешения возникающих конфликтных ситуаций.

Тенденции вероисповедной политики в связи с конституционным дизайном

В соответствии с конституционной формулировкой, характер реализации принципа равенства религиозных объединений в России и тенденции построения вероисповедной политики более соотносятся с первой из приведённых конституционно-правовых традиций: государственно-конфессиональные отношения рассматриваются властями РФ как таковые между государством и религиозными объединениями, выступающими в качестве особого сегмента НКО. Поэтому и правовое регулирование данных отношений производится на основе уже существующих моделей взаимодействия государственных структур и иных некоммерческих организаций, не носящих религиозного характера. Данный формат приводит к ситуации, когда отразить фактический статус некоторых религиозных объединений в национальном праве становится сложной задачей. Иными словами, в отличие от Европы российское правосознание склонно понимать равенство религиозных объединений не как юридическую, а как фактическую категорию. Возникает стремление обеспечить именно фактическое равенство различных религиозных ассоциаций в рамках всех форм государственно-конфессиональных отношений. Такое положение вещей усугубляется несовершенством правовых механизмов государственно-частного партнёрства, которое приводит к юридической неопределённости статуса религиозных групп и организаций, участвующих в реализации тех или иных социально значимых проектов (кроме того, значительное место занимает и политико-социологический аспект, ярко выраженный в особенностях политической культуры общества, а также политического и правового сознания акторов, участвующих в координировании государственно-конфессиональных отношений).

Данная ситуация обусловлена историей и социально-политическими предпосылками самой традиции рассматривать государственно-конфессиональные отношения как взаимодействие государства с юридически равными некоммерческими организациями. Впервые данная модель была реализована в США, где практически все религиозные объединения образовывались и впоследствии регистрировались представителями иммигрантов, а потому изначально обладали фактически равным статусом. Кроме того, в Соединённых Штатах формирование религиозных организаций проходило параллельно с процессом складывания национальной правовой системы, что обусловило органичное взаимодействие между моделью регулирования и институтами, деятельность которых она была призвана регулировать. В то же время России было и остаётся свойственным иное положение вещей: историческая укоренённость и большая численность последователей ряда традиционных конфессий побуждают религиозных и общественных деятелей требовать привилегий для них, мотивируя это тем, что «традиционные конфессии появились задолго до того, как возникла современная правовая система» (Митько 2021: 17). Поэтому попытки вписать их в современный конституционно-правовой и гражданско-правовой порядок стали приводить к редукции тех или иных значимых характеристик. Данный взгляд является одним из возможных и иллюстрирует отношение к равенству религиозных объединений в России. В то же время утверждение, что сам факт юридического равенства религиозных объединений на практике ставит традиционные конфессии в неравное положение (Митько 2021), открывает пространство для дискуссии. Вернее было бы сказать, что те или иные привилегии, обусловленные не универсальными юридически закреплёнными критериями взаимодействия государства и НКО, а какими-либо иными мотивами, ставят их в неравное положение.

Равенство религиозных объединений перед законом, провозглашаемое российской конституцией, как уже было отмечено, часто воспринимается как равенство фактическое, из чего следует необходимость принятия общих норм для всех религиозных объединений. Но одна норма, применяемая к разным религиозным объединениям, ставит их в неравное положение из-за различного взгляда на одни и те же явления: например, паломничество для христиан – одна из многих практик благочестия, а для мусульман (хадж) – вероучительная доктрина. Поэтому одни и те же нормы его регулирования будут по-разному относиться к христианам и мусульманам. Неучёт специфики вероучительных доктрин и сложившихся практик благочестия различных религиозных течений может приводить к несоответствию существующих форм государственно-правового регулирования внутренним установлениям конфессий. Подобные ситуации демонстрируют, что в нынешней концептуальной рамке правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в России имеется как минимум несколько проблем. В свою очередь, она была задана конституционной традицией, в соответствии с которой отношения государства и религиозных объединений воспринимаются как взаимодействие властей с рядом юридически равных некоммерческих организаций.

Культура и правосознание: влияние на религиозно-политические процессы

Ещё одним фактором, затрудняющим реализацию принципа равенства религиозных объединений в современном российском контексте, выступают особенности правосознания. В советский период религиозная сфера значительным образом маргинализировалась в социально-политическом пространстве, а вероисповедная политика была направлена на теоретическую разработку и практическую реализацию сегрегационной модели государственно-конфессиональных отношений (Шахов 2013). Фактически власти советского государства воспринимали религию как потенциально криминогенную сферу и насаждали данное понимание среди населения. Данная тенденция в некоторой мере сохранилась с приходом перестройки и наступлением эпохи новой России. Кроме того, инерционное правосознание россиян, многие из которых до сих пор относятся к религии с подозрением, усугубляется необходимостью системного противодействия социально-политическому и религиозному экстремизму. Его критерии определены недостаточно чётко, что даёт правоприменителю возможность самому решать, какая именно деятельность может быть признана экстремистской. В результате создаются условия, когда вне закона потенциально могут быть поставлены не только деструктивные культы или новые религиозные движения. Жертвами могут оказаться и ставшие традиционными для России и уже выступающие в роли национального института христианские деноминации: «евангельских верующих, а именно – пятидесятников, харизматов, баптистов и адвентистов, смешивают с сайентологами, и во всех церквях и движениях видят мошенничество» (Лункин 2012).

Такое положение вещей серьёзным образом затрудняет практическую реализацию конституционного принципа равенства религиозных объединений перед законом: большинство из них по умолчанию признаются на местах сектами, подлежащими искоренению, которое в дальнейшем и предпринимается посредством использования различных политико-юридических механизмов. Их спектр был значительно расширен после принятия в июле 2016 г. пакета Яровой – Озерова, существенным образом ужесточившего правовое регулирование в части ведения религиозными организациями миссионерской деятельности.

* * *

Таким образом, сложившийся в России конституционно-правовой режим равенства ре-

лигиозных объединений перед законом выступает частью общеевропейской тенденции и формальным образом соотносится с одной из общеевропейских магистральных конституционных традиций. На её основе сформировалось определённое представление о религиозной среде, в соответствии с которым государственно-конфессиональные отношения воспринимаются российским законодателем как взаимодействие государства с юридически равными религиозными объединениями, выступающими в роли особого сегмента некоммерческих организаций. Данное понимание предопределяет законотворческий процесс, что не позволяет адекватно с юридической точки зрения отразить фактический статус религиозных групп и организаций в отечественном социально-политическом и культурном пространстве. А это, в свою очередь, свидетельствует о возможности лишь ограниченной рецепции положений избранной конституционно-правовой традиции. Уроком для российского законодателя в данном случае может служить опыт европейских государств, которые пошли по пути формализации и юридического закрепления критериев государственно-частного партнёрства, позволяющим применять их к религиозным организациям, которые выражают желание на конкурсной основе участвовать в реализации социально значимых проектов.

Кроме того, фактором, затрудняющим беспрепятственно придерживаться принципа равенства религиозных объединений в современной России, выступает инерционное правосознание населения, склонного до сих пор воспринимать религию в качестве потенциально криминальной сферы. Это осложняет системное противодействие проявлениям социально-политического и религиозного экстремизма, попытки борьбы с которыми в конечном итоге приводят к необоснованной дискриминации весомого сегмента существующих в России религиозных объединений. Данный вывод носит как юридический, так и политико-социологический характер, поскольку включает в себя анализ не только аспектов законотворческого процесса и правоприменительной практики, но и элементов политической культуры общества, а также политического сознания акторов, участвующих в процессе взаимодействия государства и религиозных объединений. Затронутые проблемы во многом обуславливаются не столько несовершенством юридических механизмов, сколько исторически сложившимися особенностями восприятия религиозной сферы. В силу этого изменение данных представлений является глобальной задачей, выходящей за рамки как юридического, так и политического менеджмента.

Ключевым социально-политическим выводом является возможность классификации европейских государств по формам отношения к принципу равенства религиозных объединений. В основополагающих документах Европейского союза доминирует подход: *от граждан к религиозным объединениям*. Религиозные объединения равны постольку, поскольку равны вне зависимости от своих убеждений граждане государств, принадлежащие к ним (например, такой подход получил распространение во Франции и Германии). Но на практике возможна и другая модель, когда свободы совести и вероисповедания граждан не учитываются вовсе, а отношение государства к религиозным объединениям строится на основе политической конъюнктуры (яркие примеры – Албания, Косово, Украина). В то же время в стране может не доминировать ни одна из данных позиций. В таком случае следует говорить о постепенном потенциальном переходе от нейтралитета к одной из описанных моделей государственно-конфессиональных отношений (примером здесь может служить Словения, касательно реализации свободы вероисповедания тяготеющая к регулированию деятельности религиозных объединений).

Список литературы / References

- Bader, V. (1999). Religious Pluralism. Secularism or Priority for Democracy? *Political Theory* (27): 597-633.
- Bader, V. (2003). Religions and States. A New Typology and a Plea for Non-Constitutional Pluralism. *Ethical Theory and Moral Practice* (6): 55-91.
- Casanova, J. (2006). Religion, European secular identities, and European integration. *Religion in an Expanding Europe*: 65-92.
- Gregg, B. (2002). Proceduralism reconceived: Political conflict resolution under conditions of moral pluralism. *Theory and Society* (31): 741-776.
- Hirst, P., Figgis, J. (2000). *Obligations of Citizenship and Demands of Faith*. Princeton: Princeton University Press.
- Huber, W. (2004). Christian belief and political culture in Europe. *Asia Europe Journal* (2): 327-336.
- Invernizzi-Accetti, C. (2018). Is the European Union Secular? Christian Democracy in the European treaties and jurisprudence. *Comparative European Politics* (16): 669-694.
- Laborde, C. (2015). Religion in the Law: The Disaggregation Approach. *Law and Philosophy* (34): 581-600.
- Mahoney, J. (2010). Secularism, Equality, and Political Legitimacy. *The Journal of Value Inquiry* (44): 17-30.
- McKinnon, C. (2007). Democracy, Equality and Toleration. *The Journal of Ethics* (11): 125-146.
- Modood, T. (ed.) (1997). *Church, state and religious minorities*. London: Policy Studies Institute.
- Sajo, A. (2001). Constitutional Law in Twenty Years from Now. *Acta Juridica Hungarica* (42): 149-157.
- Schanda, B. (1999). Freedom of Religion and Minority Religions in Hungary. *Social Justice Research* (12): 297-313.
- Weisse, W. (2016). Religious Pluralization and Secularization in Continental Europe, with Focus on France and Germany. *Society* (53): 32-40.
- Weller, P. (2002a). Insiders or outsiders? Religions(s), state(s) and societies: Propositions for Europe. Part I. *Baptist Quarterly* (39): 211-222.
- Weller, P. (2002b). Insiders or outsiders? Religions(s), state(s) and societies: Propositions for Europe. Part II. *Baptist Quarterly* (39): 276-286.
- Weller, P. (2005) Religions and social capital. Theses on religion(s), state(s), and society(ies): With particular reference to the United Kingdom and the European Union. *Journal of International Migration and Integration* (5): 271-289.
- Zulehner, P. (2014). Early Modern Religion Peace Agreements: Their Effects on the Ideological Development of Europe. *Society* (51): 605-612.
- Андреев, К.М. (2019). Автономия религиозных объединений как институтов гражданского общества в условиях светского государства // *Advances in law studies* (1): 6-10. [Andreev, K. (2019). Autonomy of religious associations as civil society institutions in a secular State. *Advances in law studies* (1): 6-10. (in Russian).] DOI: 10.29039/article_5d1290f2d1e377.23263104
- Андреев, К.М. (2020). Право верить в современной России (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания). М.: Первая образцовая типография. [Andreev, K. (2020). The right to believe in modern Russia (issues of implementation of constitutional freedom of religion). Moscow: Pervaya obraztsovaya tipografiya. (in Russian).]
- Договор, устанавливающий Конституцию для Европы. Eulaw.ru. 16.12.2004. [Treaty establishing a Constitution for Europe. Eulaw.ru. 16.12.2004. (in Russian).] Available at:

<https://eulaw.ru/treaties/constit/> (accessed 25.03.2022).

Клишас, А.А. (2016). О нарушениях прав православных христиан. Council.gov.ru. 08.07.2016. [Klishas, A. (2016). Violations of the rights of Orthodox Christians. Council.gov.ru. 08.07.2016. (in Russian).] Available at: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/70382/> (accessed 27.03.2022).

Конституция Албании. Worldconstitutions.ru. 29.04.2010. [The Constitution of Albania. Worldconstitutions.ru. 29.04.2010. (in Russian).] Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=104> (accessed 24.03.2022).

Конституция Российской Федерации. Kremlin.ru. 01.07.2020. [The Constitution of the Russian Federation. Kremlin.ru. 01.07.2020. (in Russian).] Available at: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (accessed 24.03.2022).

Конституция Словении. Worldconstitutions.ru. 29.04.2010. [The Constitution of Slovenia. Worldconstitutions.ru. 29.04.2010. (in Russian).] Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=109> (accessed 25.03.2022).

Лункин, Р.Н. (2012). Страх на грани экстремизма. Mirboga.ru. 31.01.2012. [Lunkin, R. (2012). Fear on the verge of extremism. Mirboga.ru. 31.01.2012. (in Russian).] Available at: <http://www.mirboga.ru/blog/mirotvorec4/roman-lunkin-strah-na-grani-ekstremizma> (accessed 21.03.2022).

Лункин, Р.Н. (2020). Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. СПб: Нестор-История. [Lunkin, R. (2020). Churches in Politics and Politics in churches. How modern Christianity is changing European society. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russian).]

Лункин, Р.Н., Загребина, И.Н. (2017). Религия и право в современной России. М.: Юриспруденция. [Lunkin, R., Zagrebina, I. (2017). Religion and Law in Modern Russia. Moscow: Yurisprudenciya. (in Russian).]

Маклаков, В.В. (1999). Конституции зарубежных государств. М.: БЕК. [Maklakov, V. (1999). Constitutions of foreign states. Moscow: BEK. (in Russian).]

Митько, А.Е. (2021). Отразить реальный статус основных конфессий в праве очень сложно // Закон (6): 15-26. [Mit'ko, A. (2021). It is very difficult to reflect the real status of the main confessions in law. Zakon (6): 15-26. (in Russian).]

Сьюэлл, Э. (2004). Сравнительная характеристика светских государств и равенство религиозных организаций. Sova-center.ru. 08.12.2004. [S'yuell, E. (2004) Comparative characteristics of secular States and equality of religious organizations. Sova-center.ru. 08.12.2004. (in Russian).] Available at: <https://www.sova-center.ru/religion/publications/secularism-limits/2004/12/d3096/> (accessed 24.03.2022).

Шахов, М.О. (2013). Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Издательство Сретенского монастыря. [Shakhov, M. (2013). Legal bases of activity of religious associations in the Russian Federation. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja. (in Russian).]

Шахов, М.О. (2015). Нужно ли России именовать себя в Конституции «светским государством»? // Религия и право (72): 9-12. [Shakhov, M. (2015). Does Russia need to call itself a «secular state» in the Constitution? *Religiya i pravo* (72): 9-12. (in Russian).]